

Ю.Е. ИВОНИН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ЕВРОПЫ XVI–XVIII ВЕКОВ

Л.В. Ландина
Белорусский государственный
университет культуры и искусств
(Минск, Республика Беларусь)

В статье характеризуется научное наследие доктора исторических наук, профессора Ю.Е. Ивонина, исследователя политических институтов Европы раннего Нового времени, специализирующегося в области изучения Священной Римской империи. Значительное внимание уделено интерпретации Ю.Е. Ивониным проблемы европейского абсолютизма как доминирующей формы новоевропейской государственности. Научная деятельность Ю.Е. Ивонина раскрывается в контексте развития советской и постсоветской историографии и сопровождавших данный процесс концептуальных, предметных и ценностных трансформаций.

Ключевые слова: раннее Новое время, политические институты, Священная Римская империя, абсолютизм, германистика.

JURI IVONIN – RESEARCHER OF EUROPEAN POLITICAL INSTITUTIONS IN THE XVI–XVIII CENTURIES

L.V. Landina
Belorussian State University of culture and arts
(Minsk, Belarus)

The article characterizes the scientific heritage of Doctor of Historical Sciences, Professor J.E. Ivonin, a researcher of the political institutions of Europe in the early modern period, specializing in the study of the Holy Roman Empire. Considerable attention is paid to J.E. Ivonin's interpretation of the problem of European absolutism as the dominant form of new European statehood. J.E. Ivonin's scientific activity is revealed in the context of the Soviet and post-Soviet historiography development and the conceptual, subject and value transformations that accompanied this process.

Keywords: early modern times, political institutions, Holy Roman Empire, absolutism, German studies.

Юрий Евгеньевич Ивонин, известный российский историк, предстает передо мной в двух ипостасях. С одной стороны, это мой близкий коллега в области научных интересов – изучения европейской истории раннего Нового времени. Я помню, как Юрий Евгеньевич и Людмила Ивановна приезжали к нам в Минск на научную конференцию «Европа: актуальные проблемы этнокультуры» в 2016 году. Тогда в Белорусском

государственном педагогическом университете, моей альма-матер, мы работали в одной секции проблем Нового времени. С Юрием Евгеньевичем и его супругой мы встречались также в Москве на конференции в Институте всеобщей истории Российской академии наук. В моей памяти навсегда остались чудесные сентябрьские дни 2018 года, отличная организация конференции, а главное – сама постановка ее проблемы: «Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны».

С другой стороны, для меня как историографа фигура Ю.Е. Ивонина символична и значима. Юрий Евгеньевич представляет особое поколение историков, чья жизнь и деятельность пришлись на переходные периоды и ломку в российской историографии. Научное наследие Ю.Е. Ивонина, исследователя политической истории и государственных институтов Европы раннего Нового времени, отразило развитие советской и постсоветской исторической науки в области данной проблематики, став ее неотъемлемой частью [1].

В 1974 году Ю.Е. Ивонин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную реформации Генриха VIII [2]. Научным руководителем Юрия Евгеньевича была Валентина Владимировна Штокмар, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета Ленинградского государственного университета. В.В. Штокмар – крупнейший советский специалист по Англии эпохи Тюдоров. Написанная В.В. Штокмар «История Англии в средние века» [3] до сих пор, пожалуй, не имеет себе равных по содержательности, научная же школа исследований Англии XV–XVII веков, сформировавшаяся в ЛГУ, является ныне одной из ведущих в России.

В соответствии с установками советской историографии Ю.Е. Ивонин характеризовал абсолютизм Тюдоров как диктатуру феодального класса. При этом специфика английского абсолютизма заключалась в опоре Тюдоров на новое дворянство и буржуазию [2, с. 4]. Проведение реформации в Англии, справедливо отмечал Ю.Е. Ивонин, укрепляло власть короля и объективно способствовало буржуазному развитию [2, с. 16]. Однако стремление короны сдержать рост протестантизма, одновременно проводя секуляризацию и стараясь сохранить связь с папством, являлось, по мнению автора, утопичным [2, с. 4]. Реформация Генриха VIII, отмечает Ю.Е. Ивонин в одной из последующих работ, оказалась умеренной и незавершенной. Это было проявлением желания короны создать равновесие социальных сил в стране. Однако рост влияния нового дворянства и буржуазии заставлял правительство ориентироваться на эти классы, и проведение секуляризации это подтверждало [4]. Тезисы Ю.Е. Ивонина, отражавшие

господствующую в советской историографии концепцию «равновесия» при абсолютизме сил дворянства и буржуазии, вряд ли можно принципиально оспорить и сейчас. Несмотря на историографические трансформации концепта абсолютизма на протяжении последних десятилетий, идея баланса социальных сил при абсолютизме все же сохраняется.

Ю.Е. Ивонин раскрывал взаимосвязь внутренней политики европейских монархий и их внешнеполитической деятельности, что нашло воплощение в докторской диссертации «Англия и Священная Римская империя в системе международных отношений конца XV – первой половины XVI века» [5]. Сюжетами исследований в данной области были, например, Реформация в Германии и политика в данном аспекте Англии и Франции [6], восшествие на престол Марии Тюдор и перипетии габсбургской дипломатии в связи с изменившейся религиозной ситуацией в стране [7], внутренняя политика Англии и мир в Като-Камбрези, завершивший серию Итальянских войн [8].

Как советский историк, Ю.Е. Ивонин придерживался канонической для советской медиевистики интерпретации абсолютизма в социологическом ключе – как феодального государства и проявления равновесия сил дворянства и буржуазии на этапе генезиса капитализма. Разумеется, такая трактовка, даже в условиях относительно наладившегося диалога советских и западных историков, далеко не всеми поддерживалась в Европе. Одним из самых непримиримых оппонентов советских историков был Ролан Мунье. Его концепция абсолютизма и социальной структуры Франции вызывала устойчивое отторжение в СССР, а многолетний научный спор Р. Мунье и Б.Ф. Поршнева и вовсе является отдельным историографическим сюжетом. В 1974 году Ю.Е. Ивонин также выразил позицию советских историков, опубликовав краткую рецензию на статью Мунье и подвергнув его воззрения жесткому разбору. Объектами критики стали неприемлемая в советской исторической науке «надклассовость» абсолютной монархии в понимании Мунье, выведение генезиса абсолютизма из юридических, а не социально-экономических предпосылок, а также предлагаемая Мунье концепция «верности» как интегрирующей сословия силы [9]. Подобные выводы, разумеется, не могли быть приняты советскими историками.

Период перестройки начался для советских медиевистов с переосмысления периодизации истории Средних веков. Суть проблемы заключалась в поиске ответа на вопрос: сохранить существующую верхнюю границу Средневековья на начале Английской революции, как это установилось в первой половине 1940-х годов, или сместить ее на полтора столетия ниже, к рубежу XV–XVI веков, что соответствовало бы и европейской, и российской дореволюционной традиции? Характерно, что аргументация в обоих случаях основывалась на высказываниях классиков

марксизма. Например, М.А. Барг считал, что XVII век уникален как время расцвета мануфактурного производства [10]. В XVII веке произошли две победоносные буржуазные революции – в Нидерландах и в Англии [10, с. 68, 73]. Политическим же выражением кризиса феодализма явилось вступление европейского абсолютизма в упадочную фазу развития, в первую очередь во Франции [10, с. 74]. Соответственно, XVII век было бы правомерно считать границей между феодальной и капиталистической эпохами. В.Н. Малов, напротив, считал более правомерным смещение периодизации с XVII на XVI век. С одной стороны, XVI столетие было охарактеризовано К. Марксом как начало капиталистической эры [11, с. 83], с другой – именно в XVI веке произошли Реформация, Крестьянская война и Нидерландская революция. В.Н. Малов поддержал мнение В.И. Рутенбурга о том, что эти события имели рубежное значение для западноевропейской истории. Как отметил В.И. Рутенбург, именно Немецкую революцию, связанную с Реформацией и Крестьянской войной, Ф. Энгельс назвал первой буржуазно-демократической революцией в Европе [12, с. 72].

Точку зрения о начале нового времени в XVI веке, ныне ставшую доминирующей, разделял и Ю.Е. Ивонин. Во-первых, указывал он, Реформация – это первая, с точки зрения Ф. Энгельса, буржуазная революция [13, с. 67–68]. Во-вторых, несмотря на то, что в XVI веке в европейском масштабе еще господствует феодальная формация, уже возникает мировой рынок, характерный для капиталистического производства [13, с. 75].

Рассматривая новоевропейскую государственность, Ю.Е. Ивонин специализировался в области германистики. Во второй половине 1980-х годов получила развитие разработка проблем абсолютизма в германских землях, отраженная в работах Ю.Е. Ивонова. Его статья, вышедшая в 1987 году, демонстрирует специфику Саксонии и потенциальную возможность создания саксонского варианта княжеского абсолютизма в XVI веке [14]. Характеризуя особенности германских земель, автор отмечал, что в рассматриваемое время Германия не ощущала мощного давления извне. По этой причине не было основания для национальной консолидации, как в свое время во Франции, России или Испании. Следовательно, усиливалась власть князей в отдельных землях. Однако, подчеркивал Ю.Е. Ивонин, как универсалистская модель империи Габсбургов, так и княжеский абсолютизм не были основой национального единства Германии – первый был слишком широк, второй – слишком узок [14, с. 84–85].

В статье о германском абсолютизме [15] Ю.Е. Ивонин указывал на то, что абсолютизм, будучи социально-политической формой организации государства на переходном этапе от феодализма к капитализму, выполняет двоякую функцию. Она заключается как в сохранении феодальных

институтов, так и в стимулировании экономических процессов и подготовке социальных сил, присущих капитализму [15, с. 65]. Автор акцентировал внимание на том, что «равновесия» сил дворянства и буржуазии, характерного для Франции, не было в Австрии, Пруссии или России. В этих странах абсолютизм, гарантировавший господство феодалов, был заинтересован и в ограждении крестьянства от разорения, так как это могло лишить государство основного источника дохода и пополнения армии [15, с. 66].

Характеризуя германский абсолютизм, Ю.Е. Ивонин отмечал, что германские княжества, независимо от их политической значимости, были вовлечены в войны за гегемонию в Европе и в торговые конфликты. Постоянные военные столкновения обуславливали милитаристский характер германского абсолютизма, в частности, прусского. А был ли возможен иной выход в создавшейся ситуации? Автор формулировал и другие вопросы: в силу чего классическим германским абсолютизмом считается именно прусский? Почему не сопоставить германский княжеский абсолютизм с итальянским? [15, с. 69].

В связи с празднованием 200-летия Французской революции произошел радикальный пересмотр устоявшихся в советской историографии представлений об абсолютизме. Среди целого ряда соответствующих работ статья Н.Е. Копосова «Абсолютная монархия во Франции» [16] могла претендовать на роль «концептуального прорыва». Автор, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [16, с. 42–44]. Копосов показал, что, несмотря на армию, финансы, аппарат управления, силе государства противостояла независимая от него сила общества и традиционных институтов. Понимание абсолютизма как феодального государства, утверждал Копосов, является упрощением: и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу. В трактовке причин возникновения абсолютной монархии Копосов не упоминал идею «равновесия», а утверждал, что абсолютизм был этапом роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [16, с. 55].

«Абсолютная монархия во Франции» вызвала отклик – заметку Ю.Е. Ивонина под названием «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?». Автор был солидарен с Н.Е. Копосовым в том, что в области изучения абсолютизма есть ряд нерешенных вопросов, что социологическая модель абсолютизма оставляла далеко на периферии политические институты [17, с. 177]. И все же, по мнению Ю.Е. Ивонина, Н.Е. Копосов несколько прямолинеен и радикален в своих выводах. При этом Ю.Е. Ивонин был предельно корректен и приглашал Копосова

к конструктивному диалогу, дискуссии, в ходе которой могло бы быть выработано «более емкое, цельное, всестороннее, объективное и научно обоснованное представление об абсолютной монархии во Франции» [17, с. 178]. Однако события и процессы, развернувшиеся после 1991 года, такой возможности не предоставили.

В публикациях 1990-х годов Ю.Е. Ивонин акцентировал внимание, во-первых, на историографической рефлексии германского абсолютизма и, во-вторых, на имперской идее в контексте новоевропейской государственности. Ю.Е. Ивонин отмечал, что княжеский абсолютизм традиционно оценивался как препятствие к объединению страны и тормозящая сила ее развития [18, с. 143]. Таковыми были установки советской историографии. Однако после 1991 года, ввиду полного вхождения российской историографии в западноевропейское научное пространство, произошел ряд концептуальных корректив. Новые тенденции в германской историографии, появившиеся после объединения страны, сместили акценты «в пользу рассмотрения княжеского абсолютизма не как какого-то зла или случайного элемента германской истории, а как закономерного момента в истории развития германской государственности» [18, с. 144–145]. При анализе альтернатив новоевропейской государственности Ю.Е. Ивонин утверждал, что «тенденции к национальной и территориальной государственности оказались сильнее имперской идеи, поскольку они больше соответствовали потребностям государственного и регионального развития различных земель Западной Европы XVI века» [19, с. 44].

Изучение государства и его политических институтов в постсоветской историографии приобрело ряд новых существенных черт. Радикально изменилась методология исследований. На смену доминировавшей ранее марксистской парадигме пришли установки культурной антропологии, институциональный подход, просопографический анализ, проблематика потестарной имагологии, гендерной истории, истории повседневности, микроистории, наконец, истории элит, двора и персоналий представителей власти. Радикально изменилось отношение к государственной власти, в данном случае к абсолютизму, который стал рассматриваться как достойный уважения исторический феномен и закономерное, имеющее свои сильные и слабые стороны явление, а не только как диктатура класса феодалов.

В связи с этим иначе стали воспринимать монархов и их окружение. Нужно оговориться сразу: речь об апологетике не идет – ранее «плохие» европейские короли, их министры и полководцы, оцениваемые советской историографией как представители эксплуататорских классов, не стали внезапно «хорошими» в политических портретах, написанных в последние десятилетия. Возобладали взвешенные характеристики исторических

деятели в неразрывной связи с эпохой, окружением, возможностями, психологическими особенностями.

Не менее важным обстоятельством была и необходимость создания качественного научно-популярного нарратива. К сожалению, профессиональные историки зачастую относились к таким работам как к чему-то несерьезному и даже принижающему их научный престиж. Последствия подобных установок, в общем, были неутешительны. Во-первых, упускались возможности привлечения к истории школьников, а ведь именно они могли бы затем стать студентами-историками, и широкой читательской аудитории, для которой специальные работы зачастую малоинтересны. Во-вторых, место историков-профессионалов занимали не только писатели, для которых, по совершенно понятным причинам, важны сюжет и выразительные средства, а не историческая точность, но, что значительно хуже, дилетанты различного рода, что заполняло информационное пространство весьма сомнительным содержанием. Уместно заметить, что эти явления признавались и самими советскими историками, когда шла речь о кризисном состоянии советской историографии во второй половине 1980-х годов.

В современной российской историографии эти проблемы в значительной степени решены, о чем свидетельствует множество научно-популярных книг и статей, написанных профессиональными историками. Среди авторов, создавших множество портретов западноевропейских монархов, министров и военачальников XVI–XVIII веков и работавших в научно-популярном жанре, ведущее место принадлежит Ю.Е. Ивонину и Л.И. Ивониной [20; 21]. Так, в рассчитанном на широкую аудиторию издании «Властители Европы» политические портреты предваряются популярным очерком, в котором авторы разъясняют суть абсолютизма [21, с. 4–34]. Последний расценивается как дворянское в конечном итоге государство, бюрократический «старый порядок», получивший классическое воплощение во Франции. При этом на практике королевская власть абсолютной не была, на решение монарха при слабом короле влияли фавориты, различные придворные круги и т.д. [21, с. 7].

Обширная галерея европейских правителей эпохи абсолютизма, созданная Ю.Е. Ивониным, стала значительным вкладом в исторический нарратив как для профессиональных историков, так и для читательской аудитории, интересующейся европейской историей раннего Нового времени. Ю.Е. Ивонин разработал обширную область проблемного поля, существенно дополнил и уточнил представления не только о целом ряде исторических деятелей, но и о событиях, современниками которых они были. Это Франциск I Валуа [22], Карл V Габсбург [23], Генрих VIII Тюдор [24], Филипп II Габсбург [25], Густав II Адольф [26], Фридрих Вильгельм [27], Фридрих II и Иосиф II [28]. Портретам монархов и

государственных деятелей была отведена первая часть второго тома в масштабной работе Ю.Е. Ивонина [29] о Священной Римской империи.

Нужно отметить фундаментальность этого комплексного исследования, раскрывающего роль и баланс имперских и территориальных институтов, а также значение фактора конфессионализации в развитии Священной Римской империи. В данном ракурсе Ю.Е. Ивонин уделил большое внимание сословным структурам в системе регионального абсолютизма, а также функционированию в названных рамках двора и бюрократии [30]. Эта масштабная работа стала не только своеобразным подведением итогов в изучении Священной Римской империи и весомым вкладом в германистику, но и отражением приоритетных направлений современной историографии в изучении европейских государственных институтов.

К огромному сожалению, Юрия Евгеньевича Ивонина с нами больше нет. Все чаще уходят от нас коллеги, судьбы и научные труды которых, без преувеличения, отражали наше общее и весьма непростое прошлое и настоящее. Однако остаются с нами и входят в историю исторической науки созданные ими научные школы, книги, статьи, память среди коллег и учеников. Дстойное место в российской историографии, несомненно, принадлежит и Юрию Евгеньевичу Ивонину, как выдающемуся германисту и исследователю истории Европы XVI–XVIII веков.

Список источников и литературы

1. Ландина Л.В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. Минск: Энциклопедикс, 2020. 816 с.
2. Ивонин Ю.Е. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии (07.00.03): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 23 с.
3. Штокмар В.В. История Англии в средние века. 2-е изд., доп. СПб.: Алетейя, 2000. 203 с. (Pax Britannica).
4. Ивонин Ю.Е. О характере реформации Генриха VIII // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества: межвуз. сб. Вып. 3. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 88–89.
5. Ивонин Ю.Е. Англия и Священная Римская империя в системе международных отношений конца XV – первой половины XVI века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1984. 36 с.
6. Ивонин Ю.Е. О влиянии крестьянской войны и Реформации в Германии на политику монархий Англии и Франции // Античная древность и средние века. Вып. 13. Свердловск, 1976. С. 132–140.
7. Ивонин Ю.Е. Восшествие на престол Марии Тюдор и габсбургская дипломатия // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск: Изд-во БГУ им. Ленина, 1977. С. 106–115.
8. Ивонин Ю.Е. Англия и мир в Като-Камбрези // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии: межвуз. сб. Горький: Изд-во ГГУ, 1980. С. 17–32.
9. Ивонин Ю.Е. Сословия, католицизм и абсолютизм: *Revue historique*. Paris, 1972. № 502 // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 193–194.

10. Барг М.А. Место XVII века в истории Европы (к вопросу о «начале нового времени») // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 58–74.
11. Малов В.Н. Единство и противоречия позднефеодального периода // Новая и новейшая история. 1986. № 4. С. 82–86.
12. Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции (к вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 72–81.
13. Ивонин Ю.Е. Позднее средневековье или ранняя новая история? // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 67–77.
14. Ивонин Ю.Е. Проблема возникновения княжеского абсолютизма в Германии (некоторые аспекты политики Морица Саксонского) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л.: ЛГУ, 1987. С. 84–95.
15. Ивонин Ю.Е. Абсолютизм в Германии в XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 65–75.
16. Копосов Н.Е. Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 42–57.
17. Ивонин Ю.Е. Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 176–178.
18. Ивонин Ю.Е. Проблема княжеского абсолютизма в Германии в современной немецкой историографии (традиции и новации) // Историческое познание: традиции и новации: тезисы Международной теоретической конференции 26–28 окт. 1993 г. В 2 ч. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1993. Ч. 1. С. 142–146.
19. Ивонин Ю.Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI века // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 31–44.
20. Ивонин Ю.Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI века. Исторические очерки. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1994. 234 с.
21. Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск: Русич, 2004. 462, [1] с.
22. Ивонин Ю.Е. Франциск I Валуа // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 19–42.
23. Ивонин Ю.Е. Карл V Габсбург // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 46–63.
24. Ивонин Ю.Е. Генрих VIII Тюдор // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 44–63.
25. Ивонин Ю.Е. Филипп II Габсбург // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 41–57.
26. Ивонин Ю.Е., Ходин А.А. Густав II Адольф // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 52–69.
27. Беляев М.П., Ивонин Ю.Е. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 173–184.
28. Ивонин Ю.Е. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 49–74.
29. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495 – 1806. В 2 т. М.: РКонсульт, ТрансЛит; Смоленск: СмолГУ, 2004 – 2009. Т. 2, ч. 1. Властители Старой империи. 2007. 274 с.
30. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806. В 2 т. М.: РКонсульт, ТрансЛит; Смоленск: СмолГУ, 2004 – 2009. Т. 2, ч. 2. Рейхстаги. Национальное и универсальное. Бюрократия и придворное общество. Секуляризация 1803 г. и конец Священной Римской империи. 2009. 334, [1] с.

Сведения об авторе

Ландина Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры историко-культурного наследия, Белорусский государственный университет культуры и искусств (Минск, Республика Беларусь). E-mail: larisa-hist@mail.ru.

Information about the author

Landina Larisa Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University of culture and arts (Minsk, Belarus). E-mail: larisa-hist@mail.ru.